

УДК: 94

DOI: 10.31857/S2686673023070106

EDN: GMHUUS

Проблемы восприятия внешней политики КНР как фактор китайско-американского противостояния

И.Ю. Зуенко

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

Researcher ID: AAB-5070-2020

Scopus Author ID: 57211944845

РИНЦ ID: 802840

ORCID ID: 0000-0002-9853-9703

E-mail: ivanzuwei@gmail.com

Резюме: Статья посвящена проблеме восприятия внешнеполитической стратегии и идеологии КНР в западных странах, прежде всего – США. Несмотря на то, что внешняя политика Пекина представляет собой сложный комплекс различных противоречивых установок, западные наблюдатели фокусируются на тех из них, которые позволяют трактовать действия Китая как движение по пути к мировой гегемонии. Подобное понимание является основой для антикитайской политики Запада, которая, в свою очередь, вынуждает Пекин ей противостоять. При этом стремление к мировой гегемонии не постулируется в китайских доктринальных документах и не подтверждается реальными действиями.

Ключевые слова: Китай, США, внешняя политика, декаплинг, гегемония

Для цитирования: Зуенко И.Ю. Проблемы восприятия внешней политики КНР как фактор китайско-американского противостояния. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023; 53(7): 117–126.

DOI: 10.31857/S2686673023070106

EDN: GMHUUS

Misperception of Chinese Foreign Policy as a Factor of US-China Decoupling

Ivan Yu. Zuenko

Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences.

32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation.

Researcher ID: AAB-5070-2020 Scopus Author ID: 57211944845

РИНЦ ID: 802840

ORCID ID: 0000-0002-9853-9703

E-mail: ivanzuwei@gmail.com

Abstract: The article is dedicated to the problem of misperception of foreign policy strategy and ideology of People's Republic of China. Nowadays Chinese foreign policy is a complex, situational set of attitudes, reflecting the contradictory nature of the modern Chinese state. Western countries focus only on ambitions of current Chinese leadership while Beijing has to counteract U.S. anti-Chinese efforts based on American idea that China is striving for world domination and will fight for this domination with America. Although neither Beijing's doctrine documents nor its actions testify to this.

Keywords: China, USA, foreign policy, Sino-American decoupling, hegemony

For citation: Zuenko, I.Yu. Misperception of Chinese Foreign Policy as a Factor of US-China Decoupling. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (7): 117-126. DOI: 10.31857/S2686673023070106 EDN: GMHUUS

ВВЕДЕНИЕ

История китайско-американских отношений, несмотря на заявления отдельных экзальтированных американских политиков о якобы «тысячелетней борьбе Китая и США» [8], длительное время развивалась вне парадигмы их экзистенциальной борьбы друг с другом. В Китае помнят о том, что США являлись одним из субъектов империалистской колониальной политики западных держав по отношению к ослабевшей азиатской державе во второй половине XIX – первой половине XX века, но в то же время признают, что непосредственно с США китайцы не воевали столь же полномасштабно, как, например, с Великобританией, Францией и Японией*, а так называемая «политика открытых дверей», которую из своих конъюнктурных интересов продвигал Вашингтон в 1920–1930-х годах, действительно способствовала ослаблению внешнего давления на Китай.

В ещё большей степени о планомерном позитивном развитии отношений двух стран, несмотря на различие идеологии правящей элиты, можно говорить применительно к отношениям КНР и США. Сначала, в 1970-е годы, США в интересах борьбы против СССР пошли на сближение с Пекином (ценой формального разрыва с Тайбэем), а затем, хотя в политическом сотрудничестве и появились трещины, по мере того как власти КНР проявляли стремление к подлинно суверенному поведению и не спешили повторять «восточноевропейский вариант» демократизации режима, обоюдовыгодные торгово-экономические связи продолжали укрепляться.

Между тем, в настоящий момент в устах американского политического истеблишмента тезис о необходимости противостояния Китаю приобрёл черты идефикс, идеи экзистенциального значения. Воплощением этого стало заявление государственного секретаря США Энтони Блинкена: «С нашей точки зрения, это соревнование за форму того, что будет в следующем за холодной войной периоде, чьи ценности будут отражены. У нас простой выбор, и это стало очевидно после Второй мировой войны, что мир сам себя не организует. Для США выбор такой: если мы не участвуем в организации, если не занимаем лидерскую роль, это означает, <что> её занимает кто-то другой, возможно, Китай, и не в том ключе, который совпадает с нашими интересами и ценностями» [5].

Не будет преувеличением сказать, что сейчас именно такое восприятие Китая на Западе является магистральным, причём не только в Соединённых Штатах, но и в большинстве европейских стран, а также среди азиатских союзников США. В его основе лежит доведённое до абсурда реалистское понимание сути международных отношений, которое можно представить в виде детской игры в «царя

* Исключения составляют отдельные эпизоды Второй опиумной войны (битва за «барьерные форты» на реке Чжунцзян) и участие американцев в экспедиции «Альянса восьми держав» по подавлению Боксёрского восстания.

горы». Американцы исходят из того, что любая великая держава должна бороться за позицию мирового гегемона, поскольку обратная линия поведения будет означать, что место «царя горы» займёт кто-то другой, с непредсказуемыми и вряд ли позитивными последствиями (см., например: [Mearsheimer, J., 2014]).

Однако мыслит ли в подобной парадигме сам Китай? И не является ли де-факто объявленная Вашингтоном борьба за мировое лидерство против Китая войной с воображаемым *casus belli*? На эти вопросы призвана ответить данная статья.

Учитывая объёмность темы и ограниченность возможностей, доступных в формате журнальной статьи, автор не ставит перед собой задачи дать расклад того, как именно восприятие «мирного подъёма Китая» сменилось устойчивым представлением о Китае как о «системной угрозе интересам, ценностям и безопасности» [4], и насколько аргументация на эту тему убедительна (количество работ западных авторов на эту тему насчитывает сотни и, возможно, даже тысячи). То же касается и подробного анализа китайских внешнеполитических документов – это отдельная задача, которая в значительной степени уже раскрыта в работах ведущих российских китаеведов (см., например: [Денисов И.Е., 2017; Денисов И.Е., Адамова Д.Л., 2017; Портяков В.Я., 2015; Лукин А.В., 2019]). Вместо этого в рамках данной статьи предлагается более пристально взглянуть на характер внешнеполитической идеологии и стратегии Китая на текущем этапе в контексте того, способен ли Китай в принципе выдвигать задачу стать мировым гегемоном, и почему формируется деформированное восприятие китайских внешнеполитических установок.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР: БОЛЕЗНИ РОСТА

Политическая традиция Китайской Народной Республики фактически представляет собой сложную композицию из трёх базовых компонентов: тысячелетнего наследия китайской цивилизации, советских установок, а также собственного опыта китайских коммунистов, полученного ими в годы борьбы за власть. При этом на современную внешнюю политику Китая влияет ещё больше факторов, причём некоторые из них противоречат друг другу.

Во-первых, это внутреннее представление о Китае как о великой цивилизации, которая должна быть региональным лидером и одним из центров мирового устройства – причём не благодаря силе, а благодаря более высоким цивилизационным достижениям. Во-вторых, историческая память о традициях этноцентризма, вассально-данических отношений с соседями и возможности мирного соразвития большого числа стран в китаецентричной экономической и культурной системе, как это было ещё совсем недавно, в Средневековье и на заре Нового времени.

Не менее важен ещё один фактор, связанный с настроениями реваншизма, которые восходят к представлению о цивилизационном кризисе XIX–XX веков как о периоде внешнего давления на Китай. Восстановление цивилизационного могущества, «великое возрождение китайской нации», которое является краеугольным камнем политической философии Си Цзиньпина, на этом фоне представляется как единственно справедливый исход. При этом ряд нерешённых проблем с соседями (территориальных, связанных с исторической памятью и др.) подогревает эти

настроения реваншизма, что объективно пугает внешних наблюдателей. Достаточно вспомнить антияпонские протесты в Китае по поводу принадлежности островов Сенкаку или посещения японскими политиками храма Ясукуни в Токио, похожие акции в отношении Южной Кореи, Вьетнама, Филиппин и т.д.

Кроме того, важным фактором является партократическая сущность современного китайского государства. У власти в нём находится партия, заявляющая о верности идеалам коммунистической идеологии, включая идеи интернационализма. Велика и инерция внутренних представлений о Китае как «развивающемся» государстве, которому было уютно и безопасно в рамках предложенной Дэн Сяопином концепции «Держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя, но при этом заниматься реальными делами» [3: 473].

Наконец, с одной стороны, Китай – «государство китайской нации», для которого краеугольным вопросом является объединение всех китайцев в рамках одной страны (отсюда концепция «одна страна, две системы» и столь болезненное отношение к «тайваньскому вопросу»). При этом, с другой стороны, де-факто и де-юре КНР – полиэтническое государство, в котором проживают народы, в культурном и языковом плане близкие к другим центрам мировой политики. Речь прежде всего о мусульманских народах Синьцзяна, существование которых во многом определяет отношения Пекина с исламскими странами.

Всё это делает китайскую внешнеполитическую «идеологию» сложным ситуативным набором установок, отражающим противоречивый характер самого современного китайского государства. С одной стороны, это идеология амбициозной великой державы с ярко выраженным националистическим подтекстом, замешанным на настроениях реваншизма и комплексах перед «европейскими колонизаторами»; с другой стороны, это идеология «лидера третьего мира», заявляющего о своём желании облагодетельствовать если не всю планету, то ближайших «постколониальных братьев». В конечном счёте, это политика современного капиталистического государства, исходящего прежде всего из заботы об извлечении прибыли для национального капитала.

Противоречивость факторов, влияющих на внешнюю политику, приводит к непоследовательности внешнеполитического курса. Например, инициатива «Пояса и пути», объявленная ровно десять лет назад, была изначально воспринята большинством зарубежных партнёров как возможность за китайский счёт решить свои инфраструктурные проблемы. При этом китайские эксперты с самого начала твердили, что проект «Пояс и путь» предполагает взаиморазвитие, а ресурсов в одиночку облагодетельствовать весь мир у Китая попросту нет [9; 10]. Размытые рамки инициативы, громкие заявления китайских политиков, которые обычно концентрируются только на позитиве, равно как и активность, с которой Пекин продвигал эту инициативу в 2013–2015 гг., как представляется, привели к обратному результату.

Во-первых, ожидания от совместных проектов с Китаем оказались больше, чем реальные результаты, что привело к определённом разочаровании – особенно в странах Южной и Юго-Восточной Азии. Во-вторых, многих такая напористость Китая напугала, что особенно хорошо заметно на примере Европы, где после короткого периода эйфории 2013–2015 гг. наблюдается резкий переход к негативному восприятию Китая.

Другой пример противоречивости китайской внешней политики, вызывающей непонимание у внешних наблюдателей – Тайвань. Официальная позиция на этот счёт вполне миролюбива: «Тайваньский вопрос является собственным делом китайцев, которое должно быть решено самими китайцами. <...> Мирное воссоединение является наилучшим способом для объединения двух берегов Тайваньского пролива, а также наиболее выгодным вариантом для соотечественников с обоих берегов и китайской нации в целом» [1]. Однако заигрывания с националистическими настроениями и отдельные высказывания о том, что «решение тайваньского вопроса не может ждать вечно» [6] невольно воспринимаются как готовность Пекина вернуть Тайвань силой, что, в свою очередь, используется антикитайскими силами как «доказательство» агрессивной природы китайского возвышения [5].

ВООБРАЖАЕМАЯ БОРЬБА ЗА МИРОВУЮ ГЕГЕМОНИЮ

Анализируя предпосылки китайско-американского противостояния, следует учитывать, что обе страны исходят из принципиально разного понимания характера международных отношений и своего места в них.

Как справедливо отмечает А.В. Лукин, «США борются за лидерство в Азии, так же, как и во всем мире, по идеологическим соображениям; в Вашингтоне считают, что лидерство США в мире является гарантией его нормального развития; в случае же, если такое лидерство захватит другая страна, всё в мире пойдёт не так» [Lukin, A., 2023]. Президент США Дж. Байден во введении к Стратегии национальной безопасности США (2022 г.) заявил: «Во всём мире потребность в американском лидерстве столь же высока, как и всегда. Мы находимся в ситуации стратегической конкуренции за формирование будущего миропорядка... Отвечая на этот вызов, США будут лидировать, опираясь на наши ценности, работать рука об руку с нашими союзниками и партнёрами и со всеми, кто разделяет наши интересы. Мы не оставим будущее уязвимым для прихотей тех, кто не разделяет наше видение мира как свободного, открытого, процветающего и безопасного» [7; Лукин А.В., 2019]. В этом контексте угроза интересам Соединённых Штатов в любом регионе может масштабироваться на уровень экзистенциальной глобальной угрозы, причём, как отмечает А.В. Лукин, «мораль и безопасность здесь неразрывно переплетены; потеря геополитического лидерства ведёт к угрозе безопасности США и одновременно подрывает высшие “ценности”, которые США несут миру» [Lukin, A., 2023]. А «подрыв ценностей», соответственно, интерпретируется как вызов Вашингтону в качестве мирового лидера, что угрожает национальной безопасности. Таким образом, любой голос, оспаривающий доминирование Соединённых Штатов, в такой парадигме должен быть заглушён.

С точки зрения гегемона, на его место всегда есть конкурент, логика взаимодействия с которым, в конечном счёте, характеризуется как «кто кого». Долгое время таким конкурентом был Советский Союз. Победа в холодной войне знаменовала наступление «золотой эпохи» для США и американского культурного и экономического доминирования во всём мире. Китай 1990-х годов, несмотря на ухудшение отношений с США, связанное с введением санкций после событий на площади

Тяньаньмэнь 1989 г. (подробнее см.: [Зуенко И.Ю., 2022]), в целом находился под тем же влиянием «победителя в холодной войне», о чём свидетельствует не только мода на американскую поп-культуру и образ жизни, но и, например, заимствование американских подходов к «мягкой силе» [Денисов И.Е., Зуенко И.Ю., 2022: 8]. Первыми сигналами завершения «золотого десятилетия Америки» стали война в Югославии 1999 г. и события 11 сентября 2001 г. Примечательно, что именно после попадания американской бомбы в китайское посольство в Белграде по Китаю прошли антиамериканские митинги, и многие эксперты в КНР отсчитывают нынешнюю волну американизма именно от этого времени [11]. Однако на тот момент Китай не являлся для Америки экзистенциальным соперником – в ещё меньшей степени США были таковым для Китая, быстрый экономический рост которого во многом жаждался на взаимодействии с американским рынком.

Объявленный Вашингтоном «крестовый поход» против терроризма в ещё большей степени убедил США в своей миссии лидера «всего свободного мира», однако разрозненные и неспособные мобилизовать значительные ресурсы террористические группы и организации не могли восприниматься как претенденты на место «царя горы». В этом контексте могла восприниматься только крупная держава – и ещё с 1990-х годов большая часть аналитиков сходилась на том, что такой державой будет Китай. Даже несмотря на то, что Пекин, верный заветам Дэн Сяопина, в тот момент проводил подчёркнуто пассивную внешнюю политику.

Подобная пассивность, диссонирующая с явным экономическим возвышением, привела к тому, что в действиях КНР начали видеть неискренность, желание скрыть свои истинные возможности (и намерения). Си Цзиньпин, провозгласивший переход к более активной внешней политике – прежде всего, из желания стабилизировать обстановку внутри страны путём консолидации общества и эксплуатации реваншистских и националистических настроений, – своими действиями и риторикой неосознанно спровоцировал на Западе панические ожидания того, что Китай наконец-то заявит свои права на мировое лидерство. Тем более, в ценностном отношении Китай, как и другие страны-лидеры «глобального Юга», отходили от американских образцов, виной чему был, прежде всего, кризис привлекательности западной идеологической повестки, так называемой «новой этики» (расширение прав расовых, сексуальных и иных меньшинств путём осознанного ущемления прав большинства). В результате мировой гегемон уверился, что теперь его главный конкурент – это Китай.

Между тем, Китай, в силу ограниченности собственных ресурсов и восприятия себя как страны «глобального Юга», не видит себя борцом за мировую гегемонию. Это, впрочем, не означает, что Китай не рассматривает себя в качестве борца *против* мирового гегемона. Дело в том, что антикитайская политика Вашингтона, очевидная с 2018 г., когда Д. Трамп начал против КНР «торговую войну», воспринимается в Китае как препятствие на пути своего социально-экономического развития. Магистральной целью нынешнего китайского руководства является превращение страны к 2049 г. – году столетия КНР – «в ведущую модернизированную социалистическую державу по совокупной национальной мощи и международному влиянию» [2]. Эта стратегия не является антиамериканской по своей сути, но любые

действия, препятствующие достижению «столетней цели» (а политика США сейчас характеризуется именно так!), провоцируют Китай на ответные действия. Пекин *вынужден* противодействовать антикитайскому курсу Вашингтона.

Иными словами, процесс усиления экономического влияния КНР, который был запущен во многом силами самих США и от которого американский капитал десятилетиями получал сверхприбыли, после того как стало очевидно, что КНР сохранит независимую политику и намерена занять подобающее экономическому росту международное положение, стал восприниматься в США как экзистенциальный вызов своей гегемонии. В результате этого Китай испытал на себе всю мощь американского инструментария по сдерживанию развития других стран (санкции, информационная война и т.д.), однако после некоторого периода замешательства (2018–2020 гг.) решил ответить. Эта ситуация и привела к разрыву («декаплингу») двух ведущих экономик мира, связанных между собой теснейшими торговыми связями, несмотря на то что в краткосрочной перспективе такой разрыв невыгоден как Китаю, так и стране-инициатору разрыва – США.

Последние действия Вашингтона (прежде всего, курс на технологическую изоляцию Пекина в плане разработки и производства полупроводников) фактически не оставляют для Китая пространства для манёвра в плане восстановления того статуса, который был столь выгоден КНР в 1980–2010-х годах: проведение суверенной протекционистской политики внутри страны и использование выгод открытости высокоразвитых европейских и американских рынков. Теперь Китай вынужден защищаться и действительно склонен создавать альтернативный миропорядок, основанный на взаимодействии со странами БРИКС и странами «третьего мира». При этом, исходя из доктринальных документов Пекина (см., например: [1]), этот миропорядок видится им как мультилатеральный, основанный на идее о взаимосвязанности и взаимозависимости различных стран мира и отрицающий «блоковое мышление», то есть условное деление мира на «китайский» и «американский» лагерь. Исходя из этого, можно сделать вывод, что Китай заинтересован в сломе американской гегемонии, но не с тем, чтобы занять место США в качестве мирового гегемона.

Так, надуманная и во многом вообразжаемая борьба за мировую гегемонию, основанная на неверном понимании сути и возможностей китайской внешней политики, ведёт мир к деглобализации и состоянию, в котором эскалация напряжённости и переход к вооружённому конфликту вполне вероятны. Инициатором этих процессов и основным их «драйвером» по совокупности признаков видится не Пекин, а именно Вашингтон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экономический подъём Китая, совершенно закономерный в тех условиях, в которых оказалась страна в 1980-х годах (сочетание огромного рынка дешёвой рабочей силы и открытости внешних рынков, ставшей следствием международной разрядки), привёл к подъёму Китая и как субъекта международных отношений. При этом, как представляется, социально-экономическая модель «китайского экономического чуда» себя исчерпала, а новая пока не найдена, что позволяет сделать вывод о том, что мир является свидетелем наивысшего усиления Китая. Для ещё большего

роста Китаю не хватает ресурсов и гибкости в трансформации своей социально-экономической модели (см., например: [Карпов М.В., 2014; Пу С. и др., 2022]). Внешняя политика Пекина в настоящий момент направлена не на ещё большую внешнюю экспансию, а на утверждение места Китая в мировой политике, которое должно соответствовать его экономическим успехам и историческим достижениям. Это место, безусловно, предполагает региональное лидерство, но в глобальном масштабе это позиция не гегемона, а одного из мировых лидеров.

При этом в силу того, что «возвышение Китая» произошло столь стремительно, наблюдаются определённые «болезни роста»: противоречивость и непоследовательность как идеологии, так и внешнеполитической стратегии в целом. Для внешнего наблюдателя эти свойства китайской внешней политики накладываются на двойственное восприятие современного Китая (тот самый диапазон от архаики до модерна, упомянутый в начале статьи). В результате это сплющивает и рядом затрудняет или и вовсе деформирует оценку действий КНР на мировой арене. Так, нынешняя синофобия западной политической элиты, с одной стороны, базируется на стремлении США сохранить своё положение мирового гегемона, а с другой – подпитывается отдельными громкими заявлениями и действиями самого Китая, который всё ещё недостаточно опытен и решителен, чтобы на равных сражаться с Западом, но уже и не та бедная развивающаяся страна, которая могла «держаться в тени и скрывать свои возможности».

ИСТОЧНИКИ

1. Полный текст доклада XX Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая. МИД КНР. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (accessed 17.04.2023).
2. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК. *Синьхуа*. Available at: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (accessed 17.04.2023).
3. Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой. М.: Памятники исторической мысли. 2004. Т. II–III. 811 с.
4. “Madrid Summit Declaration: Issued by NATO Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Madrid 29 June 2022”, June 29, 2022. *National Security Archive*. Available at: <https://nsarchive.gwu.edu/document/29294-29-madrid-summit-declaration-issued-nato-heads-state-and-government-participating2> (accessed 17.04.2023).
5. A Conversation on the Evolution and Importance of Technology, Diplomacy, and National Security with 66th Secretary of State Condoleezza Rice. *U.S. Department of State*. Available at: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-at-a-conversation-on-the-evolution-and-importance-of-technology-diplomacy-and-national-security-with-66th-secretary-of-state-condoleezza-rice/> (accessed 17.04.2023).
6. China's Xi Says Political Solution for Taiwan Can't Wait Forever. *Reuters*. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-asia-apec-china-taiwan-idUSBRE99503Q20131006> (accessed: 17.04.2023).
7. National Security Strategy. *The White House*. October 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>. P. 2 (accessed 17.04.2023).

8. Sen. Ted Cruz blasts Mayorkas for feeble testimony on border crisis: He is 'deliberately defying' federal law. *Fox Business*, 30.03.2023. Available at: <https://video.foxb.com/v/6323655451112#sp=show-clips> (accessed 17.04.2023).

9. 罗来军. 中国以“一带一路”国际合作践行经济全球化 (Ло Лайцзюнь. Чжунго и Идай илу гоцзи хэцзо цзяньсин цзинцзи цюаньцохуа = Китай осуществляет экономическую глобализацию с помощью международного сотрудничества в рамках «Пояса и Пути»). *Жэньминь жибао*. Available at: <http://src.people.com.cn/xuexi/n1/2017/0510/c385474-29264959.html> (accessed 17.04.2023).

10. 赵会荣. “一带一路”学术研究的现状、问题与展望 (Чжао Хуйжун. Идай илу сюэшу яньцзю дэ чжуанчжи, вэньти юй чжаньван = Современное положение, проблемы и перспективы научных исследований «Пояса и Пути»). *Элосы, Дунъюу, Чжунъя яньцзю*. 2017. № 2. С. 74–82. Available at: <http://www.ooyj-oys.org/Upload-File/Issue/j5g5dcjh.pdf> (accessed 17.04.2023).

11. 陆晖. 1999 反美游行 民族主义新浪潮 (Лу Цзюнь. 1999 Фаньмэй люсин миньцзучжуи синь ланчао = Антиамериканское движение 1999 года, новая волна национализма). *Sina*. Available at: <http://news.sina.com.cn/c/2008-07-18/175415958373.shtml> (accessed 17.04.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Денисов И.Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. № 5. С. 83–98.

Денисов И.Е., Адамова Д.Л. Формулы внешней политики Си Цзиньпина: основные особенности и проблемы интерпретации. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2017. № 1. С. 76–90.

Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологии внешней политики КНР. М.: МГИМО-Университет, 2022. 24 с. Available at: <https://mgimo.ru/library/publications/china-foreign-policy-new-ideologemes/> (accessed 17.04.2023).

Зуенко И.Ю. Американские санкции в отношении Китая: опыт 1990–2010-х годов. *Россия и Америка в XXI веке*. 2022. № 6. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760023470-4-1/> DOI: 10.18254/S207054760023470-4 (accessed 17.04.2023).

Карпов М.В. Замкнутый круг «китайского чуда». Рыночные преобразования и проблема реформируемости партийного государства ленинского типа в Китайской Народной Республике. М., СПб.: Издательство Нестор-История, 2014. 292 с.

Лукин А.В. Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики. *Полис. Политические исследования*. 2019. Том 28. № 1. С. 71–89. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.06

Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии / Отв. ред. В.Е. Петровский. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2015. 280 с.

Пу С., Гилл Б., Зуенко И.Ю., Ломанов А.В., Ви С.Л. «Любая страна, если загнать её в угол, будет сражаться». *Россия в глобальной политике*. 2022. Т. 20. № 5. С. 208–229.

REFERENCES

Denisov, I.E. Vneshniaia politika Kitaia pri Si Tszin'pine: preemstvennost' i novatorstvo [China's Foreign Policy under Xi Jinping: Legacy and Innovation] (In Russ.). *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2017. № 5. P. 83–98.

Denisov, I.E., Adamova, D.L. Formuly vneshnei politiki Si Tszin'pina: osnovnye osobennosti i problemy interpretatsii [Xi Jinping's Foreign Policy Formulas: General

Features and Interpretation Problems] (In Russ.). *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. 2017. № 1. P. 76–90.

Denisov, I.E., Zuenko, I.Yu. Ot miagkoi sily k diskursivnoi sile: novye ideologemy vneshnei politiki KNR [From Soft Power to Discourse Power: New Ideologemes of China's Foreign Policy] (In Russ.). Moscow, MGIMO-University, 2022. 24 p. Available at: <https://mgimo.ru/library/publications/china-foreign-policy-new-ideologemes/> (accessed 17.04.2023).

Karpov, M.V. Zamknutyi krug "kitaiskogo chuda". Rynochnye preobrazovaniia i problema reformiruемости partiinogo gosudarstva leninskogo tipa v Kitaiskoi Narodnoi Respublike [Chinese Miracle's Endless Circle: Market Reforms and the Problem of Reforming Leninist-type Partocracy State in People's Republic of China] (In Russ.). Moscow, Saint Petersburg, Izdatel'stvo Nestor-Istoriia, 2014. 292 p.

Lukin, A. Sino-U.S. Rivalry in the Asia-Pacific: Declarations and Actual Policies // *Russia in Global Affairs*. 2023: 21(1). P. 153-173. Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/sino-us-rivalry-in-asia-pacific/> (accessed 17.04.2023). DOI: 10.31278/1810-6374-2023-21-1-153-173.

Lukin, A.V. Diskussii o razvitii Kitaia i perspektivy ego vneshnei politiki [Discussion on the Development of China and Prospects for Its Foreign Policy]. *Polis. Political Studies*. 2019. No. 1. P. 71-89. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.06>

Mearsheimer, J. Can China Rise Peacefully? *The National Interest*. Available at: <https://nationalinterest.org/commentary/can-china-rise-peacefully-10204> (accessed 17.04.2023).

Portjakov, V.Ya. Vneshniaia politika Kitaiskoi Narodnoi Respubliki v XXI stoletii [Foreign Policy of People's Republic of China at XXI century] (In Russ.) / Edited by V.E. Petrovskii. Moscow, Institute of Far Eastern Studies, 2015. 280 p.

Pu, S., Gill, B., Zuenko, I.Ju., Lomanov, A.V., Vi, S.L. "Ljubaia strana, esli zagnat' ee v ugol, budet srazhat'sia" [Any Country in a Tight Corner Would Fight] (In Russ.) *Russia in Global Affairs*. 2022. T. 20. № 5. P. 208–229.

Zuenko, I. Amerikanskii sanktsii v otnoshenii Kitaia: opyt 1990–2010-kh godov [American Sanctions towards China: 1990-2010s] (In Russ.). *Russia and America in the 21st Century*. 2022. No. 6. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760023470-4-1/>. DOI: 10.18254/S207054760023470-4 2022 (accessed 17.04.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЗУЕНКО Иван Юрьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра мировой политики и стратегического анализа, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук. Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

Ivan Yu. ZUENKO, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Center for World Politics Research and Strategic Analysis, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 26.04.2023 / Received 26.04.2023.

Поступила после рецензирования 10.05.2023 / Revised 10.05.2023.

Статья принята к публикации 12.05.2023 / Accepted 12.05.2023.